

Небеса засосало болото —
 Крики птиц глубоки и низки,
 Но рисует невидимый кто-то
 На продрогшем тумане мостки.

И в багрово-кипящем закате
 По воде с леденящим лицом
 Жерди, слани, упругие гати
 Он выводит волшебным резцом.

И... Тропа! Под рукой живописца
 Отступают трясины и мхи,
 И дорога в подошвы стучится,
 И в кустах шебаршатся стихи.

Где волнами, а где валунами
 Стежки топкие вымостит он.
 И идет по тропе вместе с нами —
 Верхотурский Святой Симеон.

В ТИРЕ

Разговорчивый, радостный, славный —
не злой,
 Всегда подбодрит, если кто-то не в духе,
 Дед полы подметает железной метлой
 И из валенок щиплет свинцовые плюхи.

Я сюда прихожу, а *сюда* уже нет,
 У бордюрины скрючилась корочка хлеба,
 Только крыша оставила в облаке след
 Да вон лампочка вкручена в самое небо.

Тирщик, тирщик, да где тебя носит — ау!
Уж винтовки как псы на цепях присмирели,
И галдит воронье — уж не их ли зову,
В серой ветоши крон — никакой акварели.

Только прошлое все же дохнет горячо,
Брызнет лихо румянца в лицо, не жалея.
И затвора щелчок, и отдача в плечо,
И закончится тир, как вот эта аллея.

И развяжутся улиц тугие узлы,
Ведь давно уже в пыль истрепались мишени,
И никак не понять вечно юной Тюмени,
Кто в ней ищет следы от железной метлы.

* * *

Три, два, один — запущено ведро,
Ах, сколько звезд в углах по стенкам жметя.
Железом перевитое нутро
Летит со свистом в космосе колодца.

Схватить звезду, и брызгами звезды
Раскрасить эту темень дерзко, смело.
Ведро летело за глотком воды,
За свежестью высот, глубин летело.

Все выше свист, уже недалеко,
И вот холодный щит воды расколот.
И так ведру прохладно и легко,
Но цепь пошел мотать лощеный ворот.

И... раз, два, три — в ладонях озерцо.
Звезда лишь не погасла на ветру бы.
Ослабла цепь, знакомое лицо.
И губы, неужели эти губы!

ОСТАЛИСЬ ДРУЗЬЯМИ

Пригласили чувства, собрали и сдали в музей,
Туда же — силки и арканы, колчаны и луки.
Остались друзьями. Удобно, уютно — друзей
Уже не терзали любви сладострастные муки.

Друзьям не знакома отныне ни ревность, ни злость,
И чувства привыкли и больше уже не старели,
В музее им как-то спокойно и тихо жилось,
С них пыль протирали, на них восхищенно смотрели.

По залам так чудно летят вертолетики нот —
Бывает, ворвется сюда музыкальная вьюга,
И память нет-нет да заснеженной веткой хлестнет,
И чувства узнают, но быстро забудут друг друга.